

Научная статья

УДК 316.1

doi: 10.17223/1998863X/66/13

СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВА, ОБЩЕСТВО ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ?

Никита Андреевич Вялых

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, sociology4.1@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются точки напряженности во взаимодействии общества и современной социологии в условиях кризиса социально-гуманитарного познания. В связи с методологической многоквартирностью обществоведческих теорий и динамичностью повседневной жизни в цифровую эпоху критически переосмысливается социальный и научный статус социологии. Обоснован вывод о влиянии теоретического и отраслевого расщепления социологической науки на дифференциацию социологического сообщества и научно-исследовательских практик.

Ключевые слова: социология, общество, методология, социологическая теория, научно-исследовательская деятельность, научное сообщество, социальный заказ

Для цитирования: Вялых Н.А. Социология для общества, общество для социологии или социология для социологии? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 139–149. doi: 10.17223/1998863X/66/13

Original article

SOCIOLOGY FOR SOCIETY, SOCIETY FOR SOCIOLOGY, OR SOCIOLOGY FOR SOCIOLOGY: WHICH IS CORRECT?

Nikita A. Vyalykh

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, sociology4.1@yandex.ru

Abstract. The article discusses advantages and limitations of modern sociological activity in the context of socio-humanitarian knowledge crisis. The key idea of the article is that attention to intrascientific problems of sociology may help increase the collective capital of the symbolic power of sociological science in Russia and elsewhere. At the same time, in the light of current theoretical disputes and taking into account Russian and global sociopolitical conditions, a need to ceaselessly defend the scholarly status of sociology is emphasized. Scholars are usually making attempts to conceptualize the scientific status of sociology by defining its attributive features. The integral criteria of the scientific nature of sociology are: nomenclature of scientific specialties, educational standards, professional communities, academic structures, empiricism, methodologism. However, each regional sociological community has its specific scientific life world, rules of the game, professional thesaurus, as well as cognitive and social mission. The author believes that sociology claims to fulfill cognitive and managerial functions, as well as an ideological one, which is expressed in the formation of moral and social guidelines. At this point, there is a tendency to a methodological turnaround to the softening of the research style and toolkit in sociology today. The author shows that sociological knowledge is the intellectual vaccine of society against social regression despite its implicit application potential. The article also outlines the author's vision of the sociological reflection's role not only for "ordinary people", but also for sociologists themselves. Such a big attention to opposition between "sociology for sociology" and "sociology for society" is determined by the author's interpretation of sociology as a polyparadigmatic and multidisciplinary science aiming at solving the contemporary society's complex prob-

lems, including in equal measure the problems of scientific competition, cooperation, and career in the sociological community.

Keywords: sociology; society; methodology; sociological theory; research activity; scientific community; social order

For citation: Vyalykh, N.A. (2022) Sociology for society, society for sociology, or sociology for sociology: which is correct? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 139–149. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/13

Введение

Современную социологию, да и социологию середины 19-го – начала 20-го столетий можно сравнить с пациентом, страдающим диссоциативным расстройством идентичности. Этот синдром множественности оказался врожденным: сразу возникло как бы несколько социологий, причем их количество ограничивается не только воображением отдельных исследователей, но и локальными научными конвенциями, ведь любая региональная научная школа – это интеллектуальная мафия (в позитивном значении этого слова) со своими традициями, теоретико-методологическими вкусами, эмпирическими ноу-хау и в то же время внутренними конфликтами, комплексами, профессиональными деформациями, академическими схватками в борьбе за символическую власть (узнаваемость, авторитет, влияние), финансы, знаки статусного отличия.

Многоликость социологии дает возможность каждому студенту, преподавателю, исследователю, полстеру, управленцу, общественному деятелю самореализоваться в научном мире, независимо от типа мышления и образовательного бэкграунда. Поскольку перепись социологических отраслей, специальностей, теорий, направлений и поднаправлений, региональных научных школ сегодня становится бессмысленной, в этой статье мы проведем своего рода рефлекссию над рефлексией, а именно попытаемся разобраться с тем, кто кому нужен (и нужен ли вообще), должен или не должен: социологи – «некомпетентным» в социологии людям, люди (они же «некомпетентные акторы», «члены общества») – социологам, либо социологи – исключительно друг другу. Для удобства анализа и решения этой научной проблемы – для кого-то реальной, а для кого-то мнимой – статья содержит три смысловых модуля: социология для общества; общество для социологии; социология для социологии.

Надеемся, что читатель воспримет высказанные в статье критические суждения как приглашение к совместной переоценке ценностей современной университетской социологии в России, а не как систему аргументов ее практической квазипольности, нравоучения и тем более внутринаучный саботаж, хоть так и может показаться вначале.

Социология для общества

Если бы социология, будучи субинститутом системы образования и науки, совсем не решала проблемы общества, то не выделялись бы контрольные цифры приема на различные ступени высшего образования, не действовала бы система научной аттестации, не было бы прямого и опосредованного (грантового) субсидирования фундаментальных и прикладных социологических исследований, не санкционировались бы мировые и всероссийские социологические конгрессы, конференции, форумы и ассоциации. Однако со-

циология чересчур зависима от внешних обстоятельств, жизненных потребностей обывателей, исторического контекста. Общественное настроение, социальные катаклизмы, хайпы задают вектор социологических исследований порою в ущерб внутренней логике развития социально-гуманитарного знания, у которого могут быть свои собственные задачи, исторические повороты и теоретические дилеммы [1. С. 16].

Как обывателю, допустим, даже высокообразованному, всесторонне развитому, но не причастному к миру науки, более-менее внятно объяснить смысл диспутов о роли социологической теории, кризисных явлениях в российской социологии, значении социологической концептологии, мульти-, меж- и трансдисциплинарности научного познания? И надо ли вообще им – членам общества, «некомпетентным» в социологии, но негласно формулирующим пресловутый социальный заказ на социологические исследования, – все это осознать и понимать, разбираться в этом? Не вызывает сомнений, что социология – наука публичная, но какова степень этой публичности? О чем стоит говорить открыто, а какие социологические вопросы и проблемы следует обсуждать только за закрытыми дверями?

В условиях постоянной погони за актуальностью в практических исследованиях социологи несут бремя доказывания научной новизны и социальной значимости своих открытий. Несмотря на формальные атрибутивные признаки научности (номенклатуру научных специальностей, образовательные стандарты, профессиональные сообщества, академические структуры, эмпиризм, методологизм и пр.), социология, как и другие общественные науки, лишена точки опоры – императивных законов, аксиом, теорем.

Характеризуя общее положение дел в сфере научных разработок, А.Ю. Антоновский отмечает, что власть рассматривает сегодня науку исключительно как «производителя национального престижа», а условные и весьма размытые критерии успешности научных разработок создают ситуацию «дефляции научной истины» [2. С. 230]. По мнению О.Е. Столяровой, кризис «науки для общества» интенсифицируется еще и тем, что «она больше не дает обещаний привести множественный опыт и множественные субъективные индивидуальные и коллективные точки зрения к единству, которое выражало бы внятный и простой порядок природы, с одной стороны, и порядок общественного устройства – с другой» [3. С. 250]. Это не означает, что социологи проводят исследования по принципу «ваши ожидания – ваши проблемы», но ответ на социальную критику и научную критику конкурентов из других областей знания в оторванности результатов социологической деятельности от реальной жизни, в их умозрительности и субъективности и, что самое главное, в микроскопических масштабах практического внедрения звучит обычно так: «Мы-де не администраторы, не политики, у нас нет рычагов управления и власти, мы лишены субъектности, поэтому мы лишь проводим социологическую диагностику социальных процессов, структур и институтов, формулируем предложения, рекомендации, а дальше все зависит от лиц, принимающих решения».

Наряду с интеллектуальными самокопаниями а-ля «социология – это наука, но...» социология, в силу исключительности своей предметности, охватывающей одномоментно то, чего в реальности нет (общество, институты, архетипы, коллективные формы сознания, глобальные процессы, трансформации), и то, чего в реальности в избытке (социальные контакты, повсе-

дневные взаимодействия, поведенческие практики, оценки, эмоции, представления), претендует если не на звание генерализованной системы знания об обществе, то как минимум на статус первой среди равных – психологии, юриспруденции, политологии, экономики, регионоведения, конфликтологии, культурологии, учитывая теоретико-методологические традиции, признанный научным сообществом категориальный аппарат, достижения в области методики и техники сбора, анализа, обработки эмпирической информации. Философская система знания, «к счастью» социологов, сегодня утрачивает положение «царицы наук», ведь даже в философских диссертациях нет раздела «Эмпирическая база исследования», а наши эмпирико-социологические замеры, преимущественно в опросных форматах, по-прежнему востребованы за пределами академических амвонов и кафедр.

Убежденность приверженцев классической научной рациональности в том, что социологи изучают общество [4. С. 6], сегодня кажется иллюзорной и архаичной. Скорее, общество, как бы подчиняя социологов, исследует само себя, самонаблюдает и самоописывает, если использовать аутопойетические концепты Н. Лумана [5]. Впрочем, и этот тезис может быть когнитивной иллюзией, поскольку результат социального познания напрямую зависит от избранной субъектом познания модели научного исследования, парадигмы и методологических установок, которые могут быть крайними (альтернативными), например холизм/индивидуализм, либо гибридными (дуалистичными) [6].

Так, Ж.Т. Тощенко обосновывает прикладное значение социологической концепции жизни, в которой научно-исследовательские практики ученых сближаются с повседневными поведенческими практиками людей. Ж.Т. Тощенко обозначает это сближение переходом к измерению конкретных, настоящих аспектов повседневной реальности: проблем, ситуаций, всего того, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, взаимоотношений со средой, в которой работают и живут люди [7. С. 113]. При таком реалистичном подходе, который сами социологи почему-то обозвали номинализмом, социология служит интересам человека, а не фигуративного «общества индивидов» [8]. Вместе с тем, по замечанию Ю.Г. Волкова, невзирая на отчетливый методологический разворот к повседневности, российская социология до сих пор живет в парадигме публичного пространства, недооценивая смещение жизненной активности людей на социальный микроуровень в контексте ослабления социальных институтов, снижения институционального доверия, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности [9. С. 21–23].

Если посредством когнитивного эксперимента смоделировать ситуацию закрытия всех социологических центров и факультетов, прекращения финансирования научных проектов, связанных с изучением общественного мнения, ценностей, установок, представлений (даже без гонений и репрессий, как это было девяносто лет назад в эксперименте вполне реалистичном, а чисто организационно-экономическими инструментами), то катастрофы макросоциального масштаба «здесь и сейчас» не произойдет. Да, будут личные драмы, ведь социологам нужно будет учиться как-то иначе зарабатывать на жизнь, а студентам – искать возможности завершения образовательного цикла по другим направлениям обучения. Но в долгосрочной перспективе ментальный сценарий отмены социологического образования и просвещения может при-

вести общество и человека в состояние социального квазиаутизма – неспособности эффективно общаться, понимать друг друга, искать информацию и ее интерпретировать, разрешать конфликты, руководить коллективами, управлять своим поведением, причем не из-за патологических процессов в головном мозге, а именно по причине социокультурного отупения. Советскому обществу и власти хватило менее тридцати лет (подчеркнем, весьма непростых для людей и противоречивых для истории), чтобы это понять и вывести отечественную социологическую экосистему из состояния искусственной комы, пусть и под строгим идеологическим надзором.

Общество для социологии

Социологи в основной своей массе, особенно если мы говорим о преподавателях высшей школы и научных работниках, – люди с весьма скромными доходами, хоть многое и зависит от талантов, профессиональной среды, окружения, политической конъюнктуры, от здоровья и жизненной энергии конкретного специалиста. И.Т. Касавин отмечает, что общество «вынуждено давать большой кредит доверия науке, чтобы та в свою очередь принесла обществу в дар свои знания» [10. С. 221]. На наш взгляд, современное российское общество дало социологам и много и мало одновременно. С одной стороны, мы имеем поистине исключительное право изучать то, что в первую очередь интересно лично нам, а общество и государство продолжают финансировать высшее социологическое образование, поддерживают посредством грантов опытных и молодых преподавателей-исследователей, до сих пор поощряют аттестацию научных работников по широкому спектру социологических специальностей. Быть кандидатом/доктором наук, пусть и социологических, иметь ученое звание доцента/профессора социологии все-таки престижно и почетно, несмотря на общую тенденцию обесценивания научных титулов. С противоположной стороны, в последние годы становится все более очевидным тот факт, что места под солнцем в мире социологии на всех не хватит, поэтому каждый начинающий социолог должен быть готов к сильнейшей конкуренции в своем профессиональном поле (прежде всего речь идет об университетской среде), причем не только с такими же молодыми и подающими надежды аспирантами, но и с ресурсными доцентами и профессорами, осознающими свои иерархические инстинкты, понимающими логику символического насилия в пространстве академической социологии и опасющимися лишиться любимой работы.

Посредством инструментов здоровой конкуренции, и не всегда здоровых ограничений на старте профессиональной карьеры, общество сокращает ширину коридора для будущих ученых-социологов и представителей других наук о «себе самом» – об обществе и его подсистемах. Сегодня, чтобы быть избранным на ставку ассистента/преподавателя – самую первую академическую ступень, человеку придется отдать с момента поступления на социологическое направление бакалавриата минимум девять лет своей жизни. И отдать придется не только время, но душу, талант, здоровье. Добавим к этому упущенные финансовые возможности и сложности в организации личной (семейной) жизни, досуга, развлечений.

Для социологов прикладного профиля (полстеров, политехнологов, маркетологов, социальных работников) наступили также непростые времена.

Будем откровенны, социологическое ремесло – это не нейротехнологии и не органическая химия, самостоятельно освоить которые невозможно. Любой мыслящий человек с классическим фундаментальным образованием способен постичь базовые принципы сбора и анализа социологической информации, ведь именно так и было в период возрождения социологии в советское время – во время «спонтанной, имплицитной междисциплинарности» [11. С. 14], а открытый доступ к цифровым ресурсам, социальным сетям, программным платформам Big Data (с последующими метафорическими интерпретациями информации) создает реальную альтернативу, если не угрозу, социологическим данным, которые добывают профессиональные социологи [12, 13].

Если несколько лет назад крылатую фразу экс-председателя Правительства РФ Д.А. Медведева о том, что для учителей и преподавателей есть масса прекрасных мест, где можно заработать деньги «быстрее и лучше, тот же самый бизнес», общество, в особенности работники бюджетной сферы, встретило с негодованием и даже враждебно, то на текущий момент это суждение кажется вполне конструктивным аргументом, причем аргументом не отдельных должностных лиц по отношению к преподавателям высшей школы, а самого «общества».

Общество, конечно, не может генерировать эти аргументы – в чем-то конструктивные, а в чем-то до сих пор болезненные – без участия лидеров мнений, экспертов, авторитетов и активной жизненной позиции самих социологов. Тренд на личную ответственность за успешность своей карьеры и благополучие в жизни, который задают сегодня отнюдь не политики, а многочисленные коучи и психологи (пришедшие на «рынок знаний» в том числе из академической среды), отчетлив как никогда. Кому как не социологам, особенно приверженцам субъективистской парадигмы, осознавать личную ответственность и связанную с ней необходимость долгосрочных (но от этого не лишенных риска) инвестиций в свою научно-проектную деятельность, повышение квалификации, диверсификацию компетенций, а также значимость проработки плана «Б», допустим, возможности перехода из системы науки и высшего образования в «тот же самый бизнес».

В завершение разговора об «обществе для социологов» пусть каждый читатель, защитивший как минимум одну диссертацию, честно сам себе ответит на такой вопрос: «Ощутило ли общество (или определенное количество человек на планете, в регионе, стране) жизнь более легкой, счастливой и простой, хотя бы в одной сфере, после защиты моей научно-квалификационной работы?» Скорее всего, в лучшем случае это будет чрезвычайно узкий социальных круг: члены семьи, близкие люди, соратники, способные искренне порадоваться нашему успешному вхождению в сообщество носителей са크рального социологического знания. А ведь еще О. Конт, на котором прочно и не совсем заслуженно, по мнению А.Б. Гофмана, закрепился ярлык радикального позитивиста, призывал к формуле «жить для других», т.е. подчинять научные, моральные, политические идеи альтруистическим чувствам [14. С. 115].

Социологи постоянно ищут и непременно находят социальные проблемы, кризисы, парадоксы, противоречия в обществе. Получается, что инициативно, а в иных случаях и по заказу, исследуя ту или иную часть социальной реальности, мы порою пытаемся ответить на вопросы, которые никто не за-

давал. Однако эта особенность присуща любой системе научного знания, не только социально-гуманитарного. Невзирая на своего рода «проклятие знанием», а именно чрезвычайное, может быть, избыточное отраслевое и идейно-теоретическое разнообразие, заумную риторику, эпизодические отрывы даже эмпирических проектов от реальной жизни социология – фундаментальная наука, проверенная временем. И что немаловажно – до сих пор весьма привлекательная для молодых исследователей.

По нашему субъективному мнению, социологам (не всем, но многим) для гармонизации отношений со своим «объектом» (обществом) следует отказаться от притязаний на капитал символический власти в формате «мы знаем об обществе больше, чем само общество знает о себе», ибо сами социологи, независимо от техник сбора социальной информации, сталкиваются с дилеммами участия в мире, который они же изучают [15]. Одна из интегральных задач социологии, как и социального института науки в целом, состоит в конструировании новых пространств понимания, способных установить продуктивные коммуникации между различными группами акторов [16. С. 245].

Социология для социологии

«Можем ли мы отступить от большинства народа и все же оставаться учеными?» – задавался риторическим вопросом брехтовский Галилео Галилей в легендарном монологе заключительной части пьесы «Жизнь Галилея». Поразмышляем над этим вопросом и мы, но уже в контексте социальной значимости социологической теории не только для общества, но и для самих социологов.

В современном социально-гуманитарном знании прослеживается тенденция корректировки представления о социологии как науке для общества к представлению о социологии как науке для самой себя – науке, обслуживающей в первую очередь когнитивные интересы ученых. Сам формат дискуссий и различного рода методологических семинаров о будущем теоретической социологии позволяет говорить о социологии как научной области знания о логике развития социологии как науки. Звучит это, конечно, все странно и даже дико, но хотя бы иногда социологу нужно быть честным: если не с пресловутым «обществом» и «социальными институтами», сослуживцами, студентами, заказчиками социологических исследований и грантодателями, средствами массовой коммуникации и политиками, то с самим собой. Из-за методологической многоквартирности, граничащей временами с методологическим анархизмом и индивидуализмом, социологи теряют способность адекватно понимать не то что процессы в обществе, но и друг друга, а иногда самих себя. Играизированные практики, стирающие связь между символами и реальностью, прочно обосновались не только в повседневности общества постмодерна [17. С. 152], но проникли и в саму социологию. И. Шубрт вполне резонно утверждает, что и студенты, и некоторые преподаватели зачастую увлечены скорее «игрой в социологию», чем работой над темами научных исследований с неоспоримой социальной и профессиональной значимостью [18. С. 7].

Социологи постоянно транслируют то ли обществу, то ли самим себе мысль о том, что ни экономика, ни политика, ни семья, ни образование, ни здравоохранение, ни культура и прочее, и прочее, без социологии не прожи-

вут и эффективно функционировать не смогут, однако оценки самих социологов по поводу статуса и перспектив российской и мировой социологии противоречивы. Нередко высказываются мнения, конституирующие дискурс кризиса в социологии [19], об утрате ею своей предметности, размывании дисциплинарных границ, засилье эмпирических научно-исследовательских практик. Б.З. Докторов, изучающий на протяжении почти двадцати лет историко-биографическим методом российскую социологию, напротив, говорит о ее «возрождении через второе рождение» [20. С. 132]. В этом плане история социологии в частности биографический подход, выступает смысловым ключом к познанию не только самой себя, но и способом исследования социума, а именно социокультурного контекста, условий, факторов, повлиявших на деятельность, творческое наследие, социализацию того или иного советского/российского социолога и даже целых поколений гуманитариев.

Подобно клиническому психотерапевту, помогающему посредством собственной психики справиться пациенту с жизненными трудностями, осознав свои истинные потребности, травмы и глубинные мотивы, социология помогает человеку, может и незаметно, окольными путями, соотносить личные представления, ценности, установки с ментальными программами значимых для него социальных групп и общностей. В глобальном отношении социологическое мышление предлагает обществу интеллектуальную вакцину против социальной деградации и повседневных манипуляций, а на локальном уровне социология открывает перед студентами и преподавателями уникальный мир инсайтов самопознания и саморазвития – важнейших атрибутов идеологии непрерывного образования.

И.Т. Касавин высказывает важную идею о том, что знание в современном смысле есть критика знания: «Оно усматривается в обнаружении когнитивных разрывов, обманчивости и пустоты знака, амбивалентности любого высказывания, бесконечной незавершенности всякого текста. В знании нет успокоения, оно лишь обнажает многочисленные риски человеческого существования» [10. С. 219]. Социологическое знание и воображение, в свою очередь, развивают не столько чувство метода, умение задавать вопросы и отвечать на них с некоторой уверенностью в том, что ответы окажутся более или менее долговечными, сколько пристальное внимание к словам, которые мы используем в обыденной и научной жизни, к степени их общности и логическим взаимосвязям между ними [21. Р. 120].

Прежде чем торопиться «спасать» мир, диагностировать аномные состояния и лечить социальные болезни общества, социолог, как и психотерапевт, должен позаботиться о себе, и социологическое сообщество способно ему в этом помогать и направлять. Если социолог будет существовать на грани выживания, если он будет несчастен, голоден, неудовлетворен жизнью и не будет располагать перспективами социально-статусного продвижения, то он первый возненавидит, возможно сам того не осознавая, то общество, которое пытается так тщетно «изучить» и «исправить». Для этого и нужны социология социологии и социология для социологии – возвращать здоровые мировоззренческие установки, воспроизводить академические ценности и работающие в реальной познавательной ситуации методологические лекала. Тогда внешние вызовы социологической деятельности, вроде идеологизации научно-исследовательских практик и перетекания теоретического дискурса ака-

демической социологии в социологию коммерческую [22], удастся если не нивелировать полностью, то органично к ним адаптироваться, прежде всего, будущему поколению университетских социологов, родившихся в начале 2000-х гг., чье детство невозможно представить вне контекста цифровизации повседневной жизни.

Заключение

Изначально социология задумывалась исключительно как наука об обществе и ради общества в триединстве интегральных функций: познавательной, управленческой и идеологической. Но теоретико-методологическое, парадигмальное, а позже – эмпирическое и отраслевое расщепление социологии естественным образом повлекло дифференциацию научного сообщества и научно-исследовательских практик. Поэтому сегодня сосуществуют социологи-романтики, занимающиеся «настоящей», канонической социологией «не за страх, а за совесть» – для общества с целью его преобразования в лучшую сторону, социологи-прагматики, фокусирующиеся не только на формальном разрешении значимых для общества социальных и научных проблем, но и ожидающие от общества позитивного подкрепления (прежде всего финансового и статусного) познавательной активности. Обособленно держатся метасоциологи, интеллектуально возвышающиеся над романтиками и прагматиками, исследующие социологию в интересах самой социологии. В реальной жизни, как правило, представлены смешанные формы профессиональной деятельности: ведь романтики трудятся тоже не бесплатно, прагматики живут не только для себя, метасоциологи снабжают методологией не только методологию, но и эмпирические исследования, практические проекты, а кому-то (их можно назвать социологами-центристами) в идеале удастся совмещать познание ради познания с познанием ради социоинженерии и смыслоориентации масс.

Вероятно, в самой постановке основного научного вопроса, в заглавии статьи, уже содержится логическая ошибка, а точнее – концептуальное предубеждение о том, что в глобальном плане кто-то кому-то что-то должен или не додал в необходимом объеме. Каждый социолог сам определяет для себя сферу профессиональных интересов и меру ответственности за результаты научно-исследовательской и преподавательской деятельности, равно как и общество, если конкретнее – социально-территориальная общность (студенты, работодатели, вузы, государственные управленцы, работники масс-медиа, профсоюзы), имеет право артикулировать свои потребности и предъявлять социологам требования, претензии, запросы – все то, что мы дипломатично называем социальным заказом.

Список источников

1. Šubrt J. The Perspective of historical sociology: the individual as homo sociologicus through society and history. Bingley : Emerald Group Publishing, 2017. 294 p.
2. Антоновский А.Ю. «Хоть дерево гнило, да благо нам мило» (народная поговорка) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 228–235.
3. Столярова О.Е. Наука и идеалы гуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 248–253.
4. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология как способ самопознания общества // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 3–12.

5. Луман Н. Самоописания. М. : Логос, Гнозис, 2009. 320 с.
6. Šubrt J. Individualism, holism and the central dilemma of sociological theory. UK : Emerald Publishing Limited, 2019. 183 p.
7. Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5. С. 104–118.
8. Elias N. The Society of individuals. Oxford : Blackwell, 1991. 258 p.
9. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
10. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.
11. Аксенова О.В. Практическая социология: трудности концептуализации и спонтанная междисциплинарность // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 10. С. 13–23.
12. Fussey P., Roth S. Digitizing sociology: continuity and change in the internet era // Sociology. 2020. № 54 (4). P. 659–674.
13. Reed D.J. Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor // Sociological Research Online. 2019. № 25 (4). P. 533–548.
14. Гофман А.Б. Два Конта, два Маркса и два течения российской социальной мысли // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 3-4. С. 112–123.
15. Burawoy M. Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography // American Sociological Review. 2003. № 68 (5). P. 645–679.
16. Масланов Е.В. Миссия ученого как воля и представление // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 243–247.
17. Кравченко С.А. Игровая социология российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
18. Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15.
19. Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
20. Докторов Б.З., Козлова Л.А. Биографический анализ в историко-социологическом исследовании. Итоги двадцатилетнего опыта / Интервью подготовила Л.А. Козлова // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 2. С. 126–145.
21. Mills C.W., Gitlin T. The sociological imagination. Oxford : Oxford University Press, 2000. 256 p.
22. Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 3–11.

References

1. Šubrt, J. (2017) The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo Sociologus Through Society and History. Bingley: Emerald Group Publishing.
2. Antonovskiy, A.Yu. (2021) “Khot' derevo gnilo, da blago nam milo” (narodnaya pogovorka) [Although the tree is rotten, it brings good (a Russian proverb)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 228–235. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/20
3. Stoliarova, O.E. (2021) Science and the ideals of humanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 248–253. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/23
4. Volkov, Y.G. & Lubsky, A.V. (2018) Sociology as a method of self-cognition of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 3–12. (In Russian).
5. Luhman, N. (2009) *Samoopisaniya* [Self-descriptions]. Translated from English. Moscow: Logos, Gnosis.
6. Šubrt, J. (2019) *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory*. Emerald Publishing Limited.
7. Toshchenko, Zh.T. (2015) From philosophy of life to sociology of life. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 104–118. (In Russian).
8. Elias, N. (1991) *The Society of Individuals*. Oxford: Blackwell.
9. Volkov, Yu.G. (2017) Private space as a research problem of sociological reflection of new social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 20–29. (In Russian).

10. Kasavin, I.T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 217–227. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/19
11. Aksenova, O.V. (2020) Practical sociology: difficulties of conceptualization and spontaneous interdisciplinarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 13–23. (In Russian).
12. Fussey, P. & Roth, S. (2020) Digitizing sociology: continuity and change in the internet era. *Sociology*. 54(4). pp. 659–674.
13. Reed, D.J. (2019) Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor. *Sociological Research Online*. 25(4). pp. 533–548. DOI: 10.1177/1360780419892640
14. Gofman, A.B. (2019) Dva Konta, dva Marksa i dva techeniya rossiyskoy sotsial'noy mysli [Two Comtes, two Marxes and two currents of Russian social thought]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 3–4. pp. 112–123.
15. Burawoy, M. (2003) Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography. *American Sociological Review*. 68 (5). pp. 645–679.
16. Maslanov, E.V. (2021) The mission of a scientist as will and representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 243 – 247. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/22
17. Kravchenko, S.A. (2002) Igraizatsiya rossiyskogo obshchestva (k obosnovaniyu novoy sotsiologicheskoy paradigmy) [Gamification of Russian society (to substantiate a new sociological paradigm)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*. 6. pp. 143–155.
18. Šubrt, J. (2021) Mysli o sovremennoy rossiyskoy sotsiologii i ee perspektivakh [Reflections on modern Russian sociology and its prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 5–15.
19. Romanovsky, N.V. (2016) Diskurs krizisa (v) sovremennoy sotsiologii [The discourse of the crisis (in) modern sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
20. Doktorov, B.Z. & Kozlova, L.A. (2021) Biograficheskiy analiz v istoriko-sotsiologicheskom is-sledovanii. Itogi dvadtsatiletnego opyta [Biographical analysis in historical-sociological research. Summing up 20 years of experience]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 2. pp. 126–145.
21. Mills, C.W. & Gitlin, T. (2000) *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
22. Deviatko, I.F. (2021) Sotsiologicheskaya teoriya: starye trudnosti, novye vyzovy [Sociological theory: old problems, new challenges]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 3–11.

Сведения об авторе:

Вялых Н.А. – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyalykh N.A. – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021;
одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 11.12.2021;
approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 04.05.2022